Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-12-79-83

ПЕТРИЩЕВА Наталья Сергеевна,
к.и.н., доцент кафедры
теории и истории государства и права,
e-mail: petrishceva_nc@mail.ru

ВЫХОДЦЕВА Анастасия Владимировна,
студент,
e-mail: vyhodcevaanastasia8@gmail.com

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Важность санитарно-эпидемиологической безопасности как неотъемлемого компонента национальной безопасности в условиях глобальных биологических угроз, включая пандемию COVID-19, а также историческая эволюция института уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил от XVII века до современной России выступают основными аспектами данного исследования.*

Целью исследования является анализ правовых норм уголовной ответственности в дореволюционной России и их роли в предотвращении биологических кризисов.

В результате анализа установлено, правовые нормы уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в дореволюционной России были глубоко интегрированы в систему национальной безопасности, где эпидемии рассматривались как прямая угроза государственному порядку, экономике и суверенитету.

Ключевые слова: *эпидемия, биологические угрозы, санитарные правила, коллективная безопасность, пандемия, эволюция норм, институт уголовной ответственности, биологические кризисы.*

Финансирование. *Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».*

Работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

PETRISHCHEVA Natalya Sergeevna,
candidate of historical sciences,
associate professor of the department
of theory and history of state and law

VYKHODTSEVA Anastasia Vladimirovna,
student

SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL SAFETY AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY: HISTORICAL EXPERIENCE OF CRIMINAL LAW REGULATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Annotation. *The importance of sanitary and epidemiological safety as an integral component of national security in the context of global biological threats, including the COVID-19 pandemic, as well as the historical evolution of the institution of criminal liability for violating sanitary and epidemiological rules from the 17th century to modern Russia, are the main aspects of this study.*

The purpose of the study is to analyze the legal norms of criminal liability in pre-revolutionary Russia and their role in preventing biological crises.

The analysis revealed that the legal norms of criminal liability for violating sanitary and epidemiological regulations in pre-revolutionary Russia were deeply integrated into the national security system, where epidemics were viewed as a direct threat to state order, economy, and sovereignty.

Key words*: epidemic, biological threats, sanitary regulations, collective security, pandemic, evolution of norms, institution of criminal liability, biological crises.*

Funding*. The work was carried out as part of the implementation of the development program of the South-Western State University under the Priority 2030 project.*

The work was carried out as part of the State Task Legal Measures to Ensure Strategic Priorities for Countering National Security Threats (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1

В эпоху глобальных кризисов, когда пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость современных обществ к биологическим угрозам, санитарно-эпидемиологическая безопасность выходит на передний план как ключевой элемент национальной безопасности. Несмотря на то, что традиционно национальная безопасность ассоциируется с военными, экономическими и информационными угрозами, исторический опыт подчеркивает, что здоровье населения – не менее важный аспект, поскольку вспышки инфекционных заболеваний способны парализовать экономику, дестабилизировать социальный порядок и даже угрожать суверенитету государства.

В России, как и во многих странах, санитарно-эпидемиологические меры интегрируются в правовую систему, включая уголовную ответственность за их нарушение, что иллюстрирует глубокую связь между индивидуальным поведением и коллективной безопасностью.

Институт уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в дореволюционной истории Российского государства насчитывает не одно столетие. В эпоху, когда эпидемии чумы, холеры и других инфекционных заболеваний регулярно поражали империю, государство рассматривало их не только как угрозу здоровью населения, но и как преступление против государства, т.е. как прямой вызов национальной безопасности, способный дестабилизировать социальный порядок и экономику.

В царских грамотах и указах середины XVII в. недонесение о фактах заболевания чумой признавалась особо тяжким государственным преступлением (умышленное посягательство на жизнь и здоровье Государя) и наказывалось смертной казнью [1]. В первой половине XVIII в. смертная казнь грозила всем, кто попытается незаконно обойти карантинные заставы и тем, кто посмеет пропустить через них лиц, следующих из «зараженной местности» [2]. Еще больше уголовно-правовые репрессии расширились в период острой борьбы с эпидемической вспышкой «московской чумы» 1771 г. Утаивание больных и подбрасывание умерших в публичные места, равно как и недоносительство об этих преступлениях каралось вечной каторгой [3], грабеж пожитков в вымерших от чумы домах - смертной казнью [4], участие в похоронных процессиях и погребении болевших чумой - обязательными работами по рытью могил и закапыванию тел (для мужчин), уходом за больными в карантинных лазаретах на срок до полного прекращения эпидемии (для женщин) [5].

С начала XIX в. правительство проводило диверсифицированную политику, направленную на предупреждение завоза и распространения контагиозных инфекционных заболеваний на территории Российский империи. 7 июня 1800 г. был опубликован Устав пограничных и торговых карантинов, в котором прежде всего акцентировалось внимание на соблюдении карантинными служащими своих должностных обязанностей. Нарушителей предписывалось наказывать сначала «…увещеваниями, выговорами, содержанием на хлебе и на воде, … нижних служителей телесным наказанием», если предпринятые меры оказывались безрезультатными виновному грозило отстранение от занимаемой должности, без права восстановления [6].

В Карантинном уставе 1818 г. появилась отдельная VII глава, детализирующая составы карантинных преступлений и наказания за их совершение. Смертная казнь предусматривалась за сообщение заведомо ложных сведений о состоянии здоровья лиц, находящихся на корабле (судне, шлюпке), подделку документов с целью сокращения карантинных сроков, самовольное оставление карантинного судна (дома), насильственные действия в отношении карантинного начальства, побег из карантина, передача из карантинного дома запрещенных вещей, предметов, сокрытие товара от карантинного очищения, пропуск товара без прохождения установленных процедур «очищения».

Случайное (неосторожное) соприкосновение судна (шлюпки), отбывающего карантин с «очищенным» кораблем, наказывалось возмещением ущерба, а умышленное прикосновение потенциального носителя инфекции к человеку

или вещи - денежным штрафом и возмещением вреда. Лица, находящиеся в обсервации и совершившие карантинные преступления небольшой тяжести, выплачивали денежный штраф в размере от 10 до 50 руб., для неплатежеспособных лиц предусматривалась замена наказания на недельное (за каждые 10 руб.) содержание на хлебе и воде.

Карантинные служащие за умышленное соучастие в карантинных злоупотреблениях, угрожающих безопасности государства, приравнивались к изменникам и подвергались наказанию по всей строгости закона. В тоже время, за преступления меньшей степени тяжести, совершенные ими впервые, подлежали аресту на неделю с содержанием на хлебе и воде, повторно – на две недели, более пяти раз в год – отрешению от должности. Служители нижних карантинных чинов назывались битьем палками или шпицрутенами, количество ударов варьировалось от 50 до 150 [7].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. карантинные преступления вошли в восьмой раздел «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния». Первая глава «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие» содержала четыре раздела «О нарушении уставов карантинных», «О нарушении постановление против распространения повальных и прилипчивых болезней», «О нарушении правил для погребения мертвых» и «О нарушениях правил, установленных на случай скотских падежей». Высшая мера уголовного наказания (лишение всех прав состояния и смертная казнь) устанавливалась за открытое насильственное сопротивление распоряжениям по предупреждению распространения чумы, насилие причинённое карантинной страже с намерением прорваться через карантинную черту, самовольный вход судна в карантинный порт, умышленный поджог карантинных заведений, оцепленных домов (ст. 1007), выпуск скота из карантинной черты, «зараженного» дома, передачу спец разрешений на выход из дома, утаивание больных чумой, тайный вынос умерших от чумы, передачу (перебрасывание) через карантинную черту «зачумленных» вещей, сокрытие вещей оставшихся после больного от санитарной обработки, кражу из выморочных домов и домов находящихся в зоне карантинного оцепления (ст. 1008), подделку документа или пользование заведомо поддельным документом, для сокращения срока изоляции (если лицо прибыло из «зачумлённой» местности) (ст. 1010), тайный проход мимо карантинов, карантинной стражи, провоз людей, товаров, животных (ст. 1011).

В случае, когда лицо, нарушившее предписания Карантинного устава, прибыло из мест «сомнительных» (где чума не была официальна подтверждена), назначалась более мягкое наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылка на каторжные работы на заводы на срок от 6 до 8 лет, и дополнительно для лиц не освобожденных от применения телесных наказаний от 40 до 50 ударов плетьми. (ст. 22, ст. 1010). Такой же ответственности подлежал капитан судна, скрывший информацию о сообщении в пути с «сомнительными» кораблями или о истинных причинах излишка (недостатка) людей и товаров на корабле (ст. 1011).

Ряд статей вводил уголовную ответственность за совершение преступлений лицами, пребывающими в карантинной зоне. К примеру, за тайное сообщение и продажу платья грозил арест от 3 до 7 дней. (ст. 1013, ст. 1014), прикосновение к «чумным» лицам и вещам – арест от 3 недель до 3 месяцев (ст. 1017), присвоение выброшенных на берег лодок, шлюпок, иных предметов или принятие товара с корабля – лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь (ст. 1012). Отягчающим вину обстоятельством являлось совершение подобных деяний в период действия режима «особой предосторожности», в этом случае нарушителям грозило лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу на срок от 4 до 6 лет.

Владельцы гостиниц и постоялых дворов, находящихся в непосредственной близости от карантинной черты за предоставление ночлега лицам, не имеющим документов, подтверждающих прохождение процедуры очищения, подлежали заключению в смирительный дом на время от 2 до 3 лет с потерей некоторых прав состояния (ст. 1016).

Должностные преступления карантинных служащих и чиновников местной полиции в зависимости от степени тяжести наказывались отрешением от должности, увольнением со службы, тюремным заключением на срок от 6 месяцев до 1 года, лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение (ст. 1024, ст. 1025, ст. 1026).

Соучастники карантинных преступлений несли одинаковую ответственность. Добровольное донесение о преднамеренном преступлении на стадии приготовления или покушения освобождало лицо от уголовной ответственности, донесение после содеянного допускало применение к лицу смягчающих наказаний по степени и роду содеянного в соответствии с ст. 140, 141, 157 Уложения 1845 г.

За нарушения постановлений против распространения повальных и прилипчивых болез-

ней предусматривались штрафные санкции, заключение в смирительные дома, возмещение вреда. Недоносительство о появлении горячки с пятнами или иной прилипчивой болезни каралось штрафом в размере от 10 до 15 руб. – в столицах, в прочих городах от 5 до 8 руб., в селениях от 50 коп. до 1 руб. (ст. 1029). Лицо, допустившее умышленное инфицирование прилипчивой болезнью иного лица (если не нанесен тяжкий вред здоровью или не наступила смерть) подлежало заключению в смирительный дом на срок от 3 до 6 месяцев и возмещению материальных издержек на лечение пострадавшему (ст. 1032).

В редакциях 1866 г. и 1885 г. Уложения о наказаниях исправительных и уголовных карантинные преступления без изменений.

В новом Уголовном Уложении 1903 г. в отличии от предыдущих нормативных актов в девятой главе «О нарушениях постановлений, ограждающих народное здравие» только в трех статьях содержатся составы карантинных преступлений.

Уголовная ответственность (арест или денежный штраф) устанавливалась за недоносительство о случаях заразных болезней на людях (ст. 206), неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о мерах охранения народного здравия от заразительных болезней (ст. 207). Отягчающим вину обстоятельством являлось неисполнение карантинных предписаний в период действия исключительных правил, изданных на случай заразительной болезни, нарушителю грозило заключение в смирительный дом или тюрьму. (ст. 207).

Десятая глава «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность» Уложения 1903 г. устанавливала уголовную ответственность за неисполнении обязанности своевременно доносить о случаях заразных или повальных болезней на домашних животных или появлении насекомых или животных, вредных для сельскохозяйственных растений, плодовых или древесных насаждений (ст. 243 и ст. 244), а также за несоблюдение мер предосторожности против заразы домашних животных, сельхоз растений и пр. (ст. 245).

В тридцать седьмой главе «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» ст. 646 вводила санкцию арест или денежная пеня в размере не выше 500 руб. за неисполнение служащим возложенной на него обязанности по наблюдению за исполнением установленных законом или обязательным постановлением правил о мерах охранения народного здравия от заразных болезней (заключение в исправительный дом или тюрьму если преступление совершено в местности, где действуют исключительные правила изданные на случай или во время заразительной болезни).

Таким образом, все вышеперечисленные нормы института уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил дореволюционной России заложили правовую основу для интеграции санитарно-эпидемиологических мер в систему государственной безопасности, что определило их эволюцию в последующие эпохи.

В СССР санитарно-эпидемиологическая безопасность стала частью государственной политики, закрепленной в Уголовном кодексе 1960 г., где нарушение санитарных норм (например, ст. 115) каралось штрафом или исправительными работами, а в особо тяжких случаях – лишением свободы [8]. Это отражало понимание эпидемий как угрозы общественному порядку, что особенно проявилось во время вспышек холеры и других заболеваний в XX веке.

В современной Российской Федерации данная традиция продолжается и усиливается. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» определяет комплекс мер по предотвращению распространения инфекций [9], а Уголовный кодекс РФ (ст. 236) устанавливает ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее массовое заболевание или смерть людей, с наказанием вплоть до лишения свободы на срок до 7 лет [10].

Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., ярко продемонстрировала эту связь: введенные ограничения, обязательная вакцинация и штрафы за нарушение масочного режима не только спасли миллионы жизней, но и предотвратили экономический коллапс. Уголовные дела возбуждались против нарушителей условий лечения и карантина, лиц, фальсифицирующих справки о вакцинации и должностных лиц, игнорировавших санитарные требования, что подчеркивает преемственность с историческими практиками, где индивидуальные действия рассматривались как угроза коллективной безопасности.

Таким образом, эволюция института уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил от царских указов XVII века до современных норм свидетельствует о неизменной роли государства в защите населения от биологических угроз. Данные меры не только предотвращают эпидемии, но и способствуют укреплению национальной безопасности государства, интегрируя здоровье общества в общую систему защиты от кризисов. В эпоху глобализации и новых вызовов, таких как мутирующие вирусы, биотерроризм, санитарно-эпидемиологическая безопасность остается фундаментом устойчивого развития государства.

Список литературы:

[1] Именной Указ окольничим Ивану и Матвею Милославским «О внесении их в Московский список за утайку в доме матери их заразительной болезни» от 2 декабря 1655 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Спб: тип. Второго отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 1. – № 168 – 1081 с.

[2] Наказ генерал-губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 19 ноября 1825 года. – Т. 8. - № 5333.

[3] О не утайке больных, и о не выбрасывании из домов мертвых тел от 26 августа 1771 г. // ПСЗРИ. Т. 19. № 13.648.

[4] Об учинении смертной казни тем, кои дерзнут входить в вымершие домы и грабить там оставшиеся пожитки от 12 октября 1771 г. // ПСЗРИ. Т. 19. № 13.676.

[5] О запрещении проходить и проезжать мимо учрежденных застав по запрещенным дорогам и провожать на погребение тела умерших от заразы, а тем паче прикасаться к оным от 15 октября 1771 // ПСЗРИ. Т. 19. № 13.680.

[6] Устав пограничных и портовых Карантинов от 7 июля 1800 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVI. №19476.

[7] Высочайше утвержденный Устав о Карантинах // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 35. – № 27490. С. 474–517.

[8] Уголовный кодекс РСФСР [Текст] / М-во юстиции РСФСР. — Москва : Госюриздат, 1960. — 174 с.

[9] Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 16.10.2025 г.)

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.10.2025 г.)

References:

[1] Personal Decree to the deceased Ivan and Matvey Miloslavsky “On their inclusion in the Moscow list for hiding their infectious disease in the mother’s house” dated December 2, 1655//Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection 1st. From 1649 to December 12, 1825. - St. Petersburg: type. Second Department of Own E.I.V. Chancellery, 1830. - VOL. 1. - No. 168 - 1081 p.

[2] Order to the governors-general and governors, and their comrades, according to which they must act//Complete collection of laws of the Russian Empire: First meeting: From 1649 to November 19, 1825. - VOL. 8. - № 5333.

[3] About not hiding the sick, and about not throwing dead bodies from their homes dated August 26, 1771//PSZRI. VOL. 19. № 13.648.

[4] On the imposition of the death penalty by those who dare to enter extinct houses and rob the remaining belongings there of October 12, 1771// PSZRI. VOL. 19. № 13.676.

[5] On the prohibition to pass and pass by the established outposts on prohibited roads and escort the bodies of the dead from infection to burial, and even more so to touch them dated October 15, 1771//PSZRI. VOL. 19. № 13.680.

[6] Charter of border and port quarantines of July 7, 1800//Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). St. Petersburg: Type. II Division of His Imperial Majesty’s Chancellery, 1830. Collection I. T. XXVI. №19476.

[7] The highest approved Charter on Quarantines//Complete collection of laws of the Russian Empire. [Meeting 1st. 1649 to 12 Dec 1825]. - St. Petersburg, 1830. - T. 35. – № 27490. S. 474-517.

[8] Criminal Code of the RSFSR [Text]/Ministry of Justice of the RSFSR. - Moscow: Gosyurizdat, 1960. - 174 s.

[9] Federal Law of 30.03.1999 No. 52-FZ “On Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population “//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (accessed 16.10.2025)

[10] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 31.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.09.2025) //ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 16.10.2025)